

Д Ж О Н А Т А Н

КОУ

П Р О В Е Р К А
М О Е Й
Н Е В И Н О В Н О С Т И

Перевод с английского
Шаши Мартыновой

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
К55

THE PROOF OF MY INNOCENCE by JONATHAN COE

Copyright © 2024 by Jonathan Coe

All rights reserved

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана с любезного согласия автора
и при содействии Felicity Bryan Associates Ltd
и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Перевод с английского Шаши Мартыновой
Редактор Максим Немцов

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Джонатан Коу

К55 Проверка моей невиновности: Роман / Пер. с англ. Ш. Мартыновой. — М.: Фантом Пресс, 2025. — 472 с.

Жизнь после университета у Прим складывается так себе. Время едва ползет, она живет дома с родителями, работает в японском кафе, где готовит еду для пассажиров терминала № 5 аэропорта Хитроу. Она лелеет мечту стать писательницей, но никак не продвигается на этом пути. Ее жизнь — болото. До тех пор, пока к ним не приезжает друг семьи Кристофер. Он много лет пытается раскрыть планы зловещего аналитического центра, основанного в Кембриджском университете в 1980-х годах, деятельность этой организации состоит в том, чтобы подталкивать британское правительство на самый опасный и экстремальный путь. И сейчас Кристофер подобрался совсем близко. Но говорить правду о властях предрешающих всегда опасно, ведь любая власть не остановится ни перед чем, чтобы остаться на вершине. Перемещаясь между десятилетиями и жанрами, Коу снова написал ядовито смешной, острый как бритва роман.

ISBN 978-5-86471-984-8

© Шаши Мартынова, перевод, 2025
© Андрей Бондаренко, оформление, 2025
© “Фантом Пресс”, издание, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ

2—5 сентября 2022 года

11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СМОТРИТЕ

65

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СКАЖИТЕ

211

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СХВАЧЕНО

325

ЭПИЛОГ

27 февраля 2024 года

449

БЛАГОДАРНОСТИ

471

В толпе на Паддингтонском вокзале детектив-инспектор углядела своего подозреваемого довольно скоро, хотя оживленным вторничным утром центральный вестибюль запружен пассажирами. Она проследила за светливой, неприметной фигурой, срéзавшей путь к платформе № 5 и забравшейся в поезд на Вустер.

Сев в тот же поезд, она отыскала место поближе к подозреваемому, но не слишком близко. В одном вагоне от. Так можно оставаться незамеченной, однако хорошо видеть добычу, если наклониться вбок и посмотреть сквозь стеклянные двери между вагонами.

Поезд строго по расписанию плавно двинулся в путь. Он набирал скорость и пробирался по лондонским западным предместьям, а по громкой связи прозвучало объявление:

Если вы заметили что-либо подозрительное, скажите об этом сотрудникам или отправьте текстовое сообщение в Транспортную полицию по номеру 61016.

И всё у нас будет схвачено.

Смотрите. Скажите. Схвачено.¹

1 “Смотрите. Скажите. Схвачено” (англ. *See it. Say it. Sorted*) — слоган кампании безопасности, начатой 1 ноября 2016 года. Цель кампании — побудить пассажиров сообщать о любых необычных предметах или происшествиях на железных дорогах и в станционных пространствах. Сейчас это едва ли не самая навязшая у всех в ушах фраза, породившая множество мемов.

Было в этом объявлении нечто глубинно раздражающее, хотя сказать, что именно, сыщица не смогла бы. Она знала, что подозреваемый сойдет с поезда на станции Мортон-ин-Марш — путь продолжительностью примерно в девяносто минут, — и это время она надеялась использовать, чтобы привести в порядок свои записи по расследуемому делу. Но каждые несколько минут ее мыслительный процесс прерывало это несносное сообщение.

Если вы заметили что-либо подозрительное, скажите об этом сотрудникам или отправьте текстовое сообщение в Транспортную полицию по номеру 61016.

И всё у нас будет схвачено.

Смотрите. Скажите. Схвачено.

Сильнее всего раздражает слово “схвачено”, решила она. Какое-то фальшивое просторечие. Разве хоть кто-то в самом деле употребляет такое слово? В попытке нащупать всеохватный, не снобистский тон надо ли было человеку, сочинявшему это сообщение, добиваться того, чтобы получилось нечто из фильма про бандитов-мокни?¹

Она постаралась перестать об этом думать. Попробовала сосредоточиться на деле и определить ту деталь — чем бы та ни была, — которая еще не встала на место. Сыщица на девяносто девять процентов была уверена, что виновен тот, у кого она сейчас сидела на хвосте. Но по-настоящему уверенно она себя не почувствует, пока этот один процент сомнения не устранился.

1 Мокни (англ. *Mockney*) — разновидность английского акцента, стилизованное подражание кокни (акценту и диалекту, характерному для рабочей общины Восточного Лондона), часто с преувеличением и элементами юмора.

Если вы заметили что-либо подозрительное, скажите об этом сотрудникам или отправьте текстовое сообщение в Транспортную полицию по номеру 61016.

И всё у нас будет схвачено.

Смотрите. Скажите. Схвачено.

Мимо мелькали станции. Ридинг. Оксфорд. Хэнборо. Чарльбёри. Кингэм. И именно тогда, всего за пять минут до прибытия в точку назначения, облака внезапно рассеялись и сыщица осознала: искомое нашлось. Она взяла телефон и, потратив всего несколько секунд на переходы по ссылкам и скроллинг, оказалась на веб-странице, где подтвердились ее подозрения. Подтвердились безусловно. Не стало того единственного процента сомнений. Пора было отставить осторожность и действовать решительно.

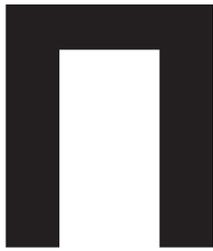
Седовласая сыщица, облаченная во все черное, встала со своего сиденья и двинулась в соседний вагон. Фигура ее покачивалась в такт движению поезда. Вскоре она уже нависла над подозреваемым, склонившимся над своим смартфоном. Он смотрел трансляцию со ступеней дома № 10 по Даунинг-стрит. Тень сыщицы пала на телефонный экран, настороженные, вопрошающие глаза оторвали от него взгляд и вперились в нее — и она увидела, как вспыхивает в них огонек узнавания. Она произнесла полное имя подозреваемого и сказала:

— Вы арестованы за убийство... — И тут ее вновь прервали.

Если вы заметили что-либо подозрительное, скажите об этом сотрудникам или отправьте текстовое сообщение в Транспортную полицию по номеру 61016.

И всё у нас будет схвачено.

Смотрите. Скажите. Схвачено.

рим подалась вперед на садовой скамейке и ощутила, как пробегает по телу дрожь. Без двадцати восемь, солнце уже садилось, вечера сделались холоднее. Высокая и безупречно подстриженная бирючина живой изгороди отбрасывала долгую тень на газон, который ее отец за несколько дней до этого постриг ровными полосами. По временам из глубин пруда с кувшинками всплывал к поверхности древний аллитерационный китайский карась Конрад и пухлыми своими губами слал Прим безразличные воздушные поцелуи. С ветвей деревьев, названия которых ей были неведомы, вечерние песни исполняли не определимые для нее птицы. По рдевшему небу знаками препинания проплывали облака, а между ними вдали угадывался серебристый проблеск самолета, неспешно снижавшегося в Хитроу. То была сцена чарующего покоя, оставившая ее совершенно безучастной. Сегодняшний “Вордл” она разгадала в три хода и, проверив свои показатели, выяснила, что у нее шестьдесят восемь дней непрерывного пробега. Это означало, что сегодня, в пятницу 2 сентября, минуло уже шестьдесят восемь дней, как она покинула университет. Шестьдесят восемь дней с тех пор, как ее отец приехал в Ньюкасл на новенькой “тойоте”, которой так гордился, запихал пожитки Прим на заднее сиденье и увез ее навсегда из грязного, заплесневелого, населенного

крысами дома, в котором она провела счастливейший год своей жизни. Прочь от шестерых друзей, по чьим досаждающим взглядам, пошлым разговорам и отвратительным личным привычкам она скучала больше, чем могла себе когда-либо представить. Прочь от всего этого, обратно домой, к уюту, покою и отупляющему благополучию ежедневного бытия ее стареющих родителей. Ее опять пробрала дрожь.

Без семнадцати минут восемь. До чего же медленно, казалось, текло время, когда Прим не на работе. Последние три недели она отработывала девятичасовые смены в заведении, входившем в чрезвычайно преуспевающую сеть со специализацией на японской еде. Заведение располагалось в пятом терминале аэропорта Хитроу, примерно в пятнадцать милях от ее отчего дома. Уникальное торговое предложение этого заведения состояло в малюсеньких подносах с суси, подаваемых посредством конвейерной ленточки, вьющейся между столиками клиентов. Большинство блюд собирали из составляющих прямо в заведении, и потому Прим целыми днями рубила овощи и накрывала крошечные брикеты риса тонкими ломтиками копченого лосося. Она уже начала улавливать, чем отличаются друг от друга японские кухонные ножи: *усуба* с широким лезвием — для овощей; *янагиба* — самый подходящий, чтобы резать сырую рыбу на полоски сасими; *дэба* — потолще, им рассекают кости. Работа тяжелая, и спустя девять часов (с двадцатиминутным перерывом на обед), когда завершалась смена, глаза у Прим были стеклянные, ноги и спина ныли, а от пальцев несло рыбой так, что не отмоешь. Однако бездумная скука этой работы временно помогала ей забыть бездумную скуку домашней жизни, а долгий окольный автобусный путь от аэропорта в родительский городок давал

время поразмыслить о планах на будущее — или, точнее, об их отсутствии, поскольку она понятия не имела, какую работу искать дальше или на что она хотела бы употребить остаток своих дней. За вычетом, пожалуй, одной мысли, которая засела у Прим недавно, однако до того сокровенная она была и до того... безрассудная, что не посмеешь делиться ею ни с кем, и уж тем более с матерью и отцом.

Она задумала написать книгу.

Какого рода книгу? Роман? Мемуары? Что-то в захолустье между тем и другим? Этого она не знала. Прим никогда ничего прежде не писала, хоть и была заядлой читательницей. Известно ей было лишь то, что, едва вернувшись из университета — какое там, даже раньше: она сперва заметила это в долгие, томительные недели после экзаменов, — улавливала она нараставший порыв, нараставшую *нужду* (это слово недостаточно сильно) создать что-то, выложить слова на экран, попытаться извлечь нечто фигуристое и исполненное значения из того унылого куска мрамора, что представляло собой ее бездеятельное и бесформенное бытие.

Что это должно быть, Прим не знала. Но сегодня она решила насчет одного эпизода, который, несомненно, включит в это произведение. Нечто происшедшее с ней несколькими часами ранее. неброский случай, но ей он совершенно точно запомнится.

В три часа дня завершилась ее смена, Прим пришла к лифтам и стала ждать какого-нибудь. Пятый терминал был тих. Лифту предстояло преодолеть четыре этажа снизу, а потом надо было подождать еще немного, пока откроются двери. Имелись кнопка вызова лифта и кнопка открытия дверей, но Прим уже успела понять, что они для виду, а делается все автоматически. Жать на них не

имело буквально никакого смысла. Незадолго до того, как лифт прибыл на ее этаж, подошел и встал рядом с ней мужчина примерно ее возраста. При нем имелась спортивная сумка, а одет он был в шорты, подчеркивавшие его загорелые, мускулистые, волосатые ноги. (Устроившись работать в Хитроу, Прим с удивлением обнаружила, до чего много мужчин, путешествуя самолетом, облачается в шорты.) Он стоял, нетерпеливо дрыгая ногой, и вот приехал лифт. Прим стояла ближе к кнопкам, но не трогала их. Она знала, что через десять секунд двери лифта откроются сами собой. Она это наблюдала каждый день. Но через девять секунд нетерпение мужчины в шортах взяло над ним верх. Не потерпит он, чтобы его путешествие отсрочилось из-за вот этой бездеятельной, беспомощной женской особи. Он протянул руку, нажал на кнопку, и, разумеется, секунду спустя двери раскрылись. Оба вошли в лифт.

Когда начался их спуск на нулевой этаж, Прим точно знала, о чем этот мужчина думает. Он спас положение. Без его стремительных, решительных действий они бы так и стояли на четвертом этаже, дожидались открытия дверей. Волны самодовольства, катившиеся от него, были до того мощны, будто он едва ли не ждал поздравлений. Но она его поздравлять не собиралась. Напротив, когда проехали один этаж, ее раздражение оказалось таким сильным, что пришлось сказать:

— Они, между прочим, в любом случае открылись бы сами.

Он отвлекся от телефона.

— А?

— Двери. Они бы в любом случае открылись.

Он продолжал смотреть на нее без выражения.

— Незачем было жать на кнопку.

— Ну а я нажал, — отозвался он.

— Но незачем же было.

— Я на нее нажал, — сказал он, — и двери открылись. Странное совпадение, по-моему.

— Но они бы открылись в любом случае.

— Ага, но двери лифта от того, что вы перед ними стоите, не откроются.

— На самом деле откроются, — сказала Прим. — С этими дверями так и происходит.

Он пожал плечами и вернулся к своему телефону.

— Я этими лифтами пользуюсь каждый день, — продолжила она.

— Молодец, — отозвался он, не отрывая взгляда от телефона. И, помолчав, добавил: — Много полетов выходит. Задумайтесь об углеродном следе.

— Смешно, — сказала Прим. — На самом деле я тут работаю.

— Слушайте, — сказал мужчина, неохотно поднимая взгляд от телефона и явно собираясь прекратить разговор с этой умалишенной. — Если бы не я, мы бы оба так и стояли там, наверху. Просто признайте это.

Лифт остановился, и двери открылись.

— Ну вы представляете? — сказала Прим. — Открылись. И ни вы, ни я ни к одной кнопке не прикоснулись.

— Больше заняться нечем? — спросил мужчина, раздраженно устремляясь к стоянке такси. — Долбаная лузерша.

Прим стояла неподвижно и смотрела ему в удаляющуюся спину. Потрясенная — потрясенная и окаменевшая, и последние два слова этого человека она несколько дальнейших часов не могла вытряхнуть из головы. Она думала о них в автобусе по дороге домой и продолжала о них думать даже сейчас. Более того, существовала

вот такая опасность: если не предпримет что-нибудь решительное, она продолжит думать об этих словах весь вечер вплоть до отхода ко сну, когда бы тот ни случился (бессонница была одной из многих ее теперешних бед). А потому она проделала то, к чему часто прибегала в нервные минуты. Обогнув гараж, где отец искал картонные коробки, и кабинет, где работала мама, Прим юркнула наверх к себе в спальню и улеглась на кровать. Всткнув наушники в уши и держа телефон на весу над собой, зашла на “Нетфликс” и промотала вниз, ища, какую бы серию “Друзей” посмотреть. Такой у нее был любимый телевизионный спасательный круг, один из самых надежных способов временно укрыться от окружающего мира. Каждую серию она уже посмотрела больше десятка раз, поэтому в последние дни действительно только и нужно было, что ткнуть наобум. Сегодня ей подвернулся первый сезон, двадцать первая серия, “Которая с поддельной Моникой”, где у одной героини воровка кредитных карт крадет личность. Серию эту Прим считала сильной, и не в последнюю очередь потому, что сама самозванка оказалась такой занятой. В конце серии она попадает за решетку, и Прим неизменно жалела, что этот персонаж не появляется в дальнейших сериях. Хотелось бы знать о ней больше: что настолько плохо в ее жизни, отчего ее тянет на кражу чужой личности и переизобретение себя? До чего заманчивая мысль, по многим причинам. Исчезнуть, раствориться в воздухе, оставив за спиной целую жизнь, полную ошибок и неловкостей, а затем вновь возникнуть в совершенно ином облики. Родиться заново...

Разумеется, в той серии были и другие сюжетные линии, зрителю на радость: Росс в поисках нового дома для своей ручной обезьянки, попытки Джоуи выбрать новое

сценическое имя. Для Прим притягательность вселенной “Друзей” сводилась к очаровательной предсказуемости, выдержанной во всех двухстах тридцати шести сериях. Когда завершилась эта, Прим почувствовала себя (как это всегда бывало) гораздо спокойнее. Привкус обиды, оставшийся от встречи у лифтов, сходил на нет, оставляя лишь стойкую ярость от высокомерия того человека. Вместе с тем она теперь окончательно уверилась в том, что, если написать о случившемся, произойдет очищение, катарсис. Она просто не понимала, с чего начать. Возможно, надо взять и нырнуть в это и рассказать историю, начать облекать ее в слова и посмотреть, куда этот процесс ее заведет. Вот так это делается у писателей?

За вдохновением она решила заглянуть в отцову библиотеку.

Дом приходского священника в Грайтёрне был поздневикторианской постройки, как и церковь, и — как и церковь — вызывающе непривлекательным, однако недостаток обаяния искупали более чем внушительные размеры. В одном только первом этаже размещалась громадная сводчатая кухня, столовая, две приемные комнаты, кабинет, в котором мать Прим работала над тем, что ее дочь именovala “всякое приходское”, а также еще одна гостиная, отданная под отцово несусветное собрание книг. “Библиотека” — так ее именovali родители, и была она свидетельством библиомании, какая давно уже вырвалась за все разумные границы, с полками по четырем стенам, заполненными от пола до потолка многими тысячами книг, в основном томами XVIII—XIX веков в кожаных переплетах, кое-где перемежавшихся более поздними трудами по истории или биографиями, а также самой малостью современных первых изданий. Имелись и удобные кресла, стоявшие спинками

к свету, впускаемому створными окнами, и в одном из тех кресел сидел сейчас Эндрю, отец Прим, и ломал глаза о крошечный шрифт очередного забытого викторианского романа. Его окружали картонные коробки, а также стопки книг, многочисленные шаткие башни, которые он, судя по всему, упорядочивал по какой-то своей системе. Взглянув на вошедшую дочь, он сказал:

— Все хорошо, милая?

— Да, я нормально, — ответила она. Оглядела организованный хаос, окружающий отца. — Ты чем занимаешься?

— Произвожу чистку. У нас тут переполнение. — Он огляделся по сторонам и вздохнул, словно его обескураживал остаток работы, которую еще предстояло завершить. — Трудный процесс, на самом деле. Мне надо выбрать пятнадцать футов книг и все их запаковать.

Прим сняла с одной стопки какую-то книгу в бумажной обложке и глянула на нее машинально, без действительного интереса.

— И что ты потом с ними будешь делать? — спросила она.

— Отнесу к Виктору, наверное, и продам — весьма неохотно.

Поначалу никакой “Виктор” ей на ум не шел, а затем она вспомнила, что речь об одном из отцовых лондонских друзей, торговце антикварными книгами, с кем отец иногда вел дела.

Эндрю вытянул шею — посмотреть на обложку романа, который она выбрала.

— Что это?

Прим впервые взгляделась в книгу. Пухлый том, страниц пятьсот-шестьсот, а то и больше. Название — “Лилипутия восстает”, автор — Пирс Каплун. И дизайн об-

ложки, и шрифт, казалось, принадлежат давно ушедшей эпохе. Прим глянула на дату издания — оказалось, что это 1993 год.

— Не сказать чтобы я помнил, как это покупал, — произнес отец.

Прим прочитала издательскую аннотацию.

— Ух ты. Послушай. «Лилипутия восстает» — эпическая сатира на безумие современной жизни, охватывающая континенты и поколения, она являет нам одного из блистательнейших наших молодых романистов на самом пике его сил. В будущем этой книге, несомненно, суждено стать классикой».

Отец ехидно хохотнул.

— Что ж, не очень-то оно сложилось, верно? Если даже такой, как я, не помнит, кто этот малый... Пирс Кап-лун... был. Положи на ту стопку, которая для благотворительной лавки, а?

Прим отнесла книгу туда, куда указали, положила на вершину стопки и некоторое время стояла и смотрела на нее сверху, погружившись в мысли. Странная, неизъяснимая грусть нашла на Прим от осознания, что однажды, почти тридцать лет назад, издатель и рецензенты убедили автора, что он сочинил классический роман, который будут обожать многие грядущие поколения, а теперь вот его вполне забыли, совершенно не читают. Вообще мог бы не утруждаться и не писать.

Наверху следующей стопки нашлась книга, которую Прим узнала, хоть и не читала ее, «Деньги» Мартина Эмиса. Пусть отец и твердил ей, что это шедевр, идея этого романа никогда ее не привлекала. Она открыла его на титульной странице, где красовался подзаголовок «Записка самоубийцы». В некотором смысле интригующе. Поразила ее и простая бледно-голубая бумажная обложка,

на которой не было никаких других украшений, кроме названия, имени автора и слов “Проверочный экземпляр. Не для цитирования или перепродажи”.

— Что это означает? — спросила она. — “Проверочный”?

— О, это премудрости ремесла, — ответил отец. — Когда из печати приходят такие вот проверочные экземпляры, издатель иногда переплетает их и рассылает в журналы, рецензентам и так далее. Затея в том, что рецензенты прочтут это с большей вероятностью, если текст будет выглядеть как настоящая книга.

— Но в них разве нет ошибок?

— Иногда есть, — сказал Эндрю. — Поэтому на рынке коллекционеров они представляют ценность. Прихватчу на следующей неделе к Виктору. Он мне скажет, стоит ли чего этот экземпляр.

Прим вернула книгу на место и взяла славный том в переплете — первое издание “Титуса Гроана” Мервина Пика. Эта книга навеяла хорошие воспоминания. Прим вспомнила, как читала “Титуса”, когда ей было лет шестнадцать или семнадцать, с удовольствием блуждала в лабиринтах готических нарративов этого романа и яростно отождествлялась с капризной одиночкой Фуксией. В предвкушении сладостной ностальгической лихорадки от первой же страницы она уселась в кресло и принялась читать, но обнаружила, что не в силах сосредоточиться. Никак не удавалось стряхнуть вот это чувство бесцельности, неудовлетворенности. Она отложила в сторону и эту книгу и осознала, что угрюмо глазет в пустоту.

Вскоре вопрос возник вновь, настойчивее и безответнее некуда. Она тяжело вздохнула.

Что ей делать с остатком дней своих?